

М.Д. Афанасьев: У громадного числа людей не было понимания – что такое новый Союзный договор, и насколько он «новый»

Вначале выступлю в своей роли директора Исторической библиотеки. Спасибо за то, что нас оценили как людей, принявших в организации сегодняшнего мероприятия. Вообще не случайно «историчка», Историческая библиотека с таким вниманием относится к событиям 25-летней давности. Есть такой специфический взгляд у нашей библиотеки, может быть, отчасти связанный с тем, что мы – историческая библиотека. Мы в своей повседневной деятельности собираем материалы, комплектуя свои фонды. Собираем их не только как историки, занимающиеся далеким прошлым. Но у нас выработался свой взгляд на современность. Мы смотрим на сегодняшние события, на события, которые мы переживаем, как на исторический объект. Потому что понимаем, что завтра, послезавтра, через 50 лет, я надеюсь, и через 100 лет люди придут в Историческую библиотеку и им нужно будет разобраться в том, что происходило 50-100 лет тому назад.

Я слишком давно работаю директором, больше 25 лет, скоро уже 30 лет. Поэтому я этот процесс нашей деятельности наблюдал и стимулировал. Я очень хорошо понимал 25 лет тому назад, что все, что происходит вокруг, это не просто сегодняшний день, который мы переживаем с теми или иными эмоциями. Но это исторические события, которые должны быть зафиксированы в документах, в архивах, библиотеках, музеях для того, чтобы было понятно через 50-100 лет, что происходило, чтобы не было тех мучительных процессов, которые мы знаем по прошлому - когда нет настоящих источников.

Именно поэтому сегодня мы уже рассматриваем то, что мы собрали 25 лет тому назад как документы эпохи, на материалах которых можно уже сейчас делать некоторые выводы. И, конечно, такие события, как 25-летие распада СССР надо обсуждать. И уже сейчас мы видим чрезвычайно серьезную разницу в восприятии прошлых событий историками разных поколений и просто людьми разных поколений..

Но я бы хотел выступить еще и как социолог и культуролог, что мне гораздо ближе, чем административная деятельность.

Я бы хотел, чтобы мы вместе поразмышляли, отвечая на вопрос - был ли неизбежен распад Советского Союза - взглянув на общественное настроение. Меня можно обвинить в некоем социальном детерминизме, но я убежден, что ни одна радикальная переменная в обществе невозможна, если общество не примет этих перемен, не принимает их в тот момент, когда они происходят. А в каких случаях они так или иначе принимают их?

Для себя я выделил три момента, присутствующих в общественном настроении накануне и в процессе перемен. Во-первых, общество не удовлетворено, недоволено тем старым порядком или тем порядком, в котором оно живет. Во-вторых, оно принимает систему ценностей, предлагаемую как новую. И, наконец, третье, вытекающее из второго: общество может не понимать, что его ждет. И это тоже чрезвычайно важный фактор: мне не нравится сегодняшний день, я не понимаю, о чем идет речь, но я хочу перемен.

Посмотрим, как к 91-му году сложилось общественное настроение у нас. И мы сможем оценить с этой точки зрения степень неизбежности распада СССР. Первое. Неудовлетворенность, недовольство старым порядком. На самом деле всегда в обществе существует неудовлетворенность тем, как живем. А в Советском Союзе мы было - те, кто жил в те времена, помнит. Но ситуация была совершенно разная - до перестройки и во время перестройки.

До перестройки существовало многослойная культурная и общественная жизнь. Были известные правила игры, в которых каждый, так или иначе, участвовал. А не участвующие ожидали те или иные репрессии по отношению к себе. Был некий внешний официальный фон, и была, условно говоря, кухня. Были религиозные движения, культурные группы, контакты и т.д. Все исходило из того, что это тот порядок, который «нам дан в ощущениях», ничего другого у нас нет.

Перестройка изменила ситуацию. Она позволила обществу вдруг почувствовать, что можно жить по-другому, что это скрытое может быть открытым. И с отменой цензуры, отменой запретов на митинги и собрания процесс неудовлетворенности вышел наружу. Мы помним, с какой стремительностью росло ощущение, что еще не хватает, нам еще нужны

изменения, нам мало того, о чем мы чуть раньше говорили как о мечте. Этот лавинообразный процесс к началу 90-х годов создал ситуацию широкой и массовой неудовлетворенности тем, что происходило в обществе.

Насколько новая система ценностей была принята? Если говорить современным языком, о городском продвинутом населении, то оно достаточно хорошо осознавало и принимало новые демократические ценности. Однако, говоря о более широких слоях населения, я бы выделил две чрезвычайно важные точки. Первое – лозунг 17-го года: Советы без коммунистов. Это деполитизация общественной жизни. И второе, что очень важно как раз для судьбы Союзного договора, с моей точки зрения, - это рост национального самосознания, во всяком случае, ощущение того, что национальное, возможно, в таком упрощенном виде должно быть выявлено и заявлено.

Здесь достаточно вспомнить, что то, что происходило с выборами президента Российской Федерации. То есть это была проблема не только национальных республик, но и России. И та поддержка, которую интеллигенция оказывала союзным республикам, Прибалтийским, в первую очередь, в их борьбе за независимость, говорит, что представления о том, что Союзный договор и вообще Советский Союз должен сохраниться ослабевали. Росло ощущение, что Россия должна быть самостоятельной, потому что ее всегда «обижали».

Наконец, представления о будущем Союзном договоре: в этом отношении чрезвычайно интересны материалы референдума в марте 1991 года в республиках, в которых он проходил. 76% проголосовали за существование Советского Союза. Но, я полагаю, что у громадного числа людей не было понимания – что такое новый Союзный договор, и насколько он «новый».

Уже на этапе организации референдума мы видим, что далеко не все республики в нем участвуют. И это не только Прибалтика. Это и Грузия, и Армения, и Молдавия. Самый высокий процент голосования за Советский Союз дала Средняя Азия. По другим республикам: в Российской Федерации при средней 75% - 71,3%, Украина – 70%. То есть в России громадное количество людей голосует вовсе не за Советский Союз. И при этом в автономных

республиках ниже 76% не снижается, самый низкий процент 76. 75,9% был в Чечено-Ингушской республике. А во всех остальных – выше 76% при средней 71% в Российской Федерации. То есть российское население голосует, относится к этому гораздо негативнее, нежели даже национальные союзные республики и автономные республики.

Еще одна очень характерная деталь. В Эстонии не проходит референдум. Они проводят свой плебисцит, причем участвуют только те, кто родился на территории Эстонии и уже высказался в поддержку суверенности Эстонии. В этой ситуации у них был еще один вопрос: согласны ли вы с тем, что суверенная Эстония будет в составе Советского Союза? И большинство, проголосовавших за суверенитет, согласны с тем, что она будет в составе Советского Союза.

Привычный образ жизни при всей неудовлетворенности, к которой привыкли люди, конечно, определяет общественные настроения. Хотя это уже мифологическое, с моей точки зрения, сознание. Это уже не действительное желание жить в той стране, в которой жили прежде.

Все говорит о том, что настроение перемен превалирует. С моей точки зрения, это стало важным фактором, который предопределил неизбежность распада или роспуска СССР.

А.В. Рябов. Вы представили еще одну интересную интерпретацию событий с позиции общественных настроений. Что стояло за эволюцией общественного мнения, что люди хотели иметь в результате перемен? Это, безусловно, важный вопрос.